

УДК 39(=512.111)(091)
ББК Т51(2)4(=635.1)-3

В.Г. РОДИОНОВ

ТРУДЫ СПИРИДОНА МИХАЙЛОВА (ЯНДУША) В АСПЕКТЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

Ключевые слова: этнографические группы, традиционное и личностное сознание, этногенез чувашей, диалекты, лингвокультура, трансфер.

С.М. Михайлов (Яндуш) выделял две этнографические группы и два диалекта чувашского этноса. К верховым чувашам ученый относил население Козьмодемьянского и северной части Ядринского уездов, а к низовым – Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии. Начиная с трудов Г.И. Комиссарова из низовой группы стали выделять третью (средненизовую). По мнению ученого, чувашаи, будучи отдельной общностью тюркоязычных народов, раньше обитали в Закамье, куда они мигрировали из Сибири. Он разработал тюрко-булгарскую теорию происхождения чувашского языка и основных этнографических групп (средненизовых и низовых) чувашского этноса. Смешанной группой он считал верховую, в культуре которой кроме тюрко-булгарских находил много элементов финно-угров (горных марийцев и мордвы-эрзя), а частично и казанских татар. До присоединения Чувашского края к Московскому государству на правобережье Волги функционировали две этнографические группы горных чувашей – верховая и средненизовая. После заселения южных степных районов в процессе культурного диалога с татарами-мишарями образовалась третья этнографическая группа, известная средненизовым чувашам как хирти «степные». В Новое время географическое расположение этнографических групп чувашского этноса способствовало направлению проникновения идей европейско-российского Просвещения в Чувашский край (от западных территорий к восточным и южным). В 50-е гг. XIX в. идеи чувашского просветительства впервые сформулировал С.М. Михайлов, в дальнейшем они начали распространяться в ученых кругах всего Поволжья. Его труды остаются ценным источником и для выявления адаптационной схемы этноса, которая у чувашей строилась путем локализации «злого» начала вне пределов себя, своего социума, этноса.

Труды С.М. Михайлова (языческая фамилия ученого Яндуш, 1821–1861) изучены главным образом традиционными методами советской исторической науки. Многие из них написаны по поводу выявления новых документов и биографических фактов с точки зрения распределения его наследия по разным областям наук и литературного творчества. Краткий библиографический обзор имеется в «Предисловии» В.Д. Димитриева, составителя «Собрания сочинений» чувашского писателя, этнографа и историка середины XIX в. [10. С. 17–22]. Из этнологических проблем в работе вышеназванного ученого изложена позиция С. Михайлова относительно вопроса происхождения чувашского народа, а также перечислены межэтнические контакты чувашей со своими соседями. К сожалению, наши этнографы, нередко используя собранный исследователем середины XIX в. бесценный материал, не посвятили его творчеству даже отдельной научной статьи. Между тем значительно лучше и глубже изучена его литературно-публицистическая деятельность. Например, в коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII–XIX веков» творчество этого поэта, драматурга, прозаика-публициста заново переосмыслено и вписано в историю чувашской литературы Нового времени [7. С. 147–159].

С позиции науки о чувашском этносе собранный С.М. Михайловым материал позволяет удачно реконструировать, на наш взгляд, межэтническую и внутриэтническую контактную ситуацию его времени, выявить некоторые механизмы

и закономерности функционирования и эволюции чувашского этноса в динамике. Круг конкретных вопросов, который мы намерены рассмотреть в настоящей работе, охватывает историю сложения этнографических групп и диалектов языка чувашского этноса, прежде всего в аспекте миграционных и этногенетических процессов, а также определения причины появления и механизма функционирования в чувашском этническом сообществе людей с личностным сознанием (с новым уровнем понимания реальности). К подобным историческим личностям середины XIX в. мы относим и С.М. Михайлова (Яндуша), который в своих трудах описывал некоторые социальные и этнические противоречия, указывал на возможные пути их преодоления.

Первая попытка выделения в отечественной науке чувашских этнографических групп и диалектов чувашского языка была осуществлена, как нам известно, Г.Ф. Миллером в научном труде «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» (1791) [14. С. 92–143]. Раздел «О языках, о художествах и о науках» ученый начинает с описания сходств черемисского (марийского), чувашского и вотяцкого (удмуртского) языков с татарским, русским и финским языками. Из всех языков чувашский, по его справедливому замечанию, «больше сходствует с татарским языком» [14. С. 106]. Далее он пишет, что каждый из вышеназванных языков разделяется на два отдельных диалекта. «Чуваши, имеющие жительство около Василева, Козмодемьянска и Чебоксар, – выделяет исследователь диалектную территорию верховых чувашей, – говорят так же, хотя и не весьма отменно, однако инако, нежели те, которые живут ниже устья реки Камы, да и между вотяками, которые живут по верху и внизу по реке Вятке» [14. С. 106–107]. К территории последней группы чувашей в первом разделе автор относит левые стороны рек Камы и Волги, т.е. степные просторы, в том числе, следует полагать, и степь правобережья Волги, «где живут чувашы» [14. С. 94]. П.С. Паллас, собиравший в 1768 г. этнокультурный материал закамской группы низовых чувашей, удачно заметил, что «живущие по леву сторону Волги в степях чувашане всем на гористой стороне находящимся деревням придают название *верьял*, а сами себя *хирдиял* называют» [14. С. 160]. Этимологическим разбором этих и других названий этнографических групп и этнонимов народов Поволжья займемся несколько позже, здесь только заметим, что оба термина (*вирьял* и *хирти[ял]*) находятся в активе лексики современных чувашей (низовых и южной части средненизовых), но только несколько смещены их изначальные семантики.

В своих очерках С.М. Михайлов (Яндуш) выделял две этнографические группы и диалекты чувашского народа. «Чуваши разделяются на низовых и верховых, – писал исследователь в очерке «Предания чуваш[ей]», опубликованном в 1852 г., – низовые называются по-чувашски *анатри*, то есть низовый, а верховые *вирьял* “визгливые деревни» [10. С. 53]. (Правильный перевод последнего слова дан ниже.) Здесь же он дополняет, что верховые чувашы к низовым имеют «какое-то особенное уважение и называют их старинными или коренными чувашами, так как низовые чувашы и до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто в старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут» [10. С. 53].

В очерке «Чувашские свадьбы» (1852) С.М. Михайлов относил к верховым чувашам население Козьмодемьянского уезда, а к низовым – Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии [10. С. 74]. «*Хошпа* у низовых чувашских женщин высокая, как бурак, а у здешних – красивая низенькая, покрывает

едва лоб и виски как широкая лента...» [10. С. 75]. Из приведенного здесь текста можно понять, что низовыми чувашами ученый здесь называл конкретно средненизовых, которые имели *хушлу* цилиндрической формы и относительно высокую.

В статье «Краткое этнографическое описание чувашей» (1853) к составу *вирьял* С.М. Михайлов причислял главным образом чувашей Козьмодемьянского уезда, а также население северной части Ядринского уезда Казанской губернии [10. С. 107]. Данный ареал примерно охватывает сундырский и моргаушско-ядринский говоры верхового диалекта [12. С. 347]. Остальные чуваша, проживающие ниже (восточнее) территории этих говоров (чуваша большей части Чебоксарского и Цивильского уездов), исследователем названы *анатри*, что в русском переводе значит, как уже было отмечено, «низовые» (по направлению течения Волги).

В диалоге (*каласу*) «Разговор *анатри*, то есть низового чувашина, с *вирьял*», то есть верховым чувашиним» писатель приводит слова, причисляемые им к речи *анатри*: *күршĕ* «сосед», *какай* «мясо», *утă(ывтă)* «сено», *кĕтű* «стадо», *эпир* «мы», *ыйхă* «сон». Все они взяты из лексики как средненизовых, так и низовых чувашей по современной общепринятой классификации. В пограничье верховых и средненизовых чувашей, по описанию П.И. Орлова, в начале XX в. термином *анатри* называли чувашей нижнего Прицивиля, бассейна реки Малого Цивилия и его притоков. Чуваша степных районов (Симбирской губернии, Тетюшского и часть Цивильского уездов Казанской губернии) тогда были известны как *хирти* [4. С. 217–225], о чем, следует полагать, не был осведомлен Спиридон Михайлов, носитель самого западного говора верховых чувашей. Не случайно чувашей ниже города Чебоксар до Тетюшского уезда Казанской губернии он относил к этнографической группе *анатри*, включая туда чувашей Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерний [10. С. 107]. В этих двух группах он видел дуальную организацию родоплеменного этнического сообщества, которую Г.Ф. Миллер приписал чувашам, марийцам и удмуртам. Обнаруженное чувашским ученым выделение фратрий по цвету онучей (женщину носили черные, а мужчины белые онучи) сохранилось, следует полагать, от традиций деления древних этнических сообществ на две фратрии.

В своем труде «Чуваша Казанского Заволжья» (1911) Г.И. Комиссаров скорректировал определение С.М. Михайлова этнографической группы низовых чувашей, разделив ее на *анат енчи* (ныне переводится как «средненизовые») и *анатри* «[чисто] низовые», включив в их состав степных чувашей *хирти*, главным образом чувашскую диаспору (чуваша, проживающие вне Чувашской Республики) [8. С. 34–40]. Дихотомная система чувашских диалектов первоначально без каких-либо оговорок была принята и начинающим лингвистом Н.И. Ашмариним. Но уже в статье «Заметки по чувашской диалектологии», сочиненной в 1912 г., по вышеназванной проблеме ученый выражает сомнение: «Мы не знаем определенно, сколько надо считать чувашских наречий: остается ли удержать старое деление на *вире-ял* (*вирьял*) и *анатри* или пока принять другое, по которому чувашский язык распадается на три главных ветви, из которых *анатри* составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*. Последнее деление имеет за собою достаточно основания, так как помимо других этнографических признаков, чуваша *хирти* по особым свойствам их наречия, действительно могут быть выделены в отдельно стоящую группу» [2. С. 65]. На наш взгляд, современные этнографы должны прислушаться к мнению ученого-универсала,

который в своих исследованиях умело синтезировал исторические, этнографические и лингвистические явления и факты.

Далее нам следует углубиться в историческую вертикаль: реконструировать историю сложения современных этнографических групп и языковых диалектов чувашского этноса. Происхождением чувашского этноса и его этнографических групп С.М. Михайлов начал интересоваться, как вспоминал сам ученый, в 1842 г., когда в архиве Козмодемьянского земского суда прочел статью Н.И. Второва «Памятники древности в Казанской губернии». «Превосходное описание болгарских развалин, равно и надгробные надписи, переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня, – писал он 6 (28) сентября 1860 г., т.е. за четыре месяца до своей неожиданной смерти. – Я пламенно перечитывал историю болгар и надгробные надписи <...> А так как господин Второв чуваш[ей] и черемис признает древнейшими обитателями Казанской губернии, то я болгарских царей Силку (прозванного по смерти Абдаллахом) и Айдара, сходных с чувашскими именами, стал понимать за чуваш[ей], тем более, что в Чебоксарском уезде есть даже селение Айдарово, и убеждался, что с знаменитыми булгарами могли жить и предки моих соплеменников и принимать исламу. Впрочем, с этим мнением могут согласиться и ученые умы» [10. С. 29–30].

О двух этнографических группах чувашей (*вирьял* и *анатри*) впервые он упоминал в статье «Предания чувашей» (1852), в которой вторую относил, как уже нами было замечено, к старинным, коренным чувашам. Такое особое уважение средненизовых и низовых среди верховой этнографической группы чувашей сложилось, очевидно, не только из-за заимствованного костюма, как пытается объяснить автор, но и прежде всего в результате выброса из недр бессознательного лавин этногенетической памяти. Не случайно в своих письмах и разговорах до конца жизни ученый особо подчеркивал, что он «финн», т.е. человек нерусского происхождения, в то же время не совсем справедливо иронизировал над холостяками средненизовых и низовых чувашей [10. С. 74].

В упомянутой выше статье С.М. Михайлов приводит следующее историческое предание чувашей: «<...> они пришли из-за черного моря и из-за дальних гор; но как, когда и по неимению у них письменности, ничего сказать не могут. Древним своим предком они считают какого-то Чуваша, и себя по нему называют чуваш» [10. С. 53]. Здесь название моря не нарицательное имя, а, скорее всего, сказочно-аллегорическое, а имя родоначальника, по убеждению автора, стало самоназванием народа. «Действительно, – пишет он далее, – чуваша боготворили своих владык, доказательством на это привожу здесь следующий факт. В грамоте, данной городу Билярску, между прочим, упоминается: “В прошлом 1677 году били челом великому царю мурзы и яшашные татары всего Казанского уезда: в прошлых-де годах, до казанского взятия, из-стари построен бусурманский город Булымерский, за Камою рекою; а в нем был царь Балын-Гозя (т.е. Балын-Ходжа), <...>, а у здешних чуваш[ей] была киреметь под названием тоже “Балын-Гозя”, которую и доньне они указывают как священное их место для жертвоприношений» [10. С. 54–55].

В более объемной статье «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]» (1853) проблеме происхождения чувашей С.М. Михайлов посвятил отдельный раздел. Он открывается со следующего абзаца: «Древнейшими обитателями Казанской губернии считаются: черемиса, чуваша и мордва, населявшие северные и западные ее пределы; в X столетии находят здесь болгар, живших

по берегам Волги и Камы и подчинивших власти своей прочие соседственные (т.е. соседствующие. – В.Р.) племена» [10. С. 106]. Из дальнейшего повествования автора следует, что чуваша-финны, которые принимали ислам, ассимилировались с татарами, по этой причине «коренных чувашей осталось уже немного и притом только в Казанской, Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях» [10. С. 109]. «При строгом исследовании найдется в Казанской губернии довольно татар, происходящих из чувашей, – обобщал ученый, – и, наоборот, сих последних, происшедших от татар, а также и черемис, смешавшихся с чувашами, потому что они друг у друга брали дочерей в замужество, но, по принятии крещения, чуваша стали татарами пренебрегать» [10. С. 109]. В конце статьи выясняется, что под «татарами» ученый подразумевал их монгольское происхождение: «чуваша происходят от разных племен, так же, как и все народы царства болгарского; конечно, в них есть и болгары, и финны, и монголы, но отличились они уже после падения древнего царства болгарского от грозной орды монголов, падения, сопровождающегося кровопролитием; тогда они стали самыми беднейшими жителями, утратив свое могущество, так что, наконец, стали чуваш[ей] дразнить *чуваш юваш*, то есть “чуваша робкие”» [10. С. 110].

В статье «О происхождении имени “чуваш[ей]”», датированной 7 мая 1854 г., С.М. Михайлов в корне изменяет свою первоначальную гипотезу о автохтонном происхождении родного ему этноса. Обоснованно критикуя теорию буртасского происхождения чувашей («буртас есть не иное что, как народ мокша» [10. С. 142]), ученый, ссылаясь на недавно изданную книгу И.Н. Березина «Булгар на Волге» (Казань, 1853), утверждает, что «чуваша населяли прежде северо-восточную страну за рекою Камою. В Сибири на берегу реки Иртыша есть даже гора, называемая Чувашьею, где воевал Ермак, а в Казанском уезде имеется ныне татарская деревня Чуваш» [10. С. 142–143]. В Сибири он располагал и место происхождения языка и прародины тюркоязычных чувашей: «Ныне в Сибири довольно народов тюркского и финнского племени, сходных с чувашами языком и образом жизни, как-то: качинские и кизильские татары, якуты и буряты. Посему следует убедиться, что *чуваша*, будучи отрасль *турского племени*, обитали в *Закамской стране на северо-востоке и, может быть, вышли они из Сибири* (выделено нами. – В.Р.), и что впоследствии времени, когда в [Волжской] Болгарии явились из Аравии проповедники ислама, то многие из родовичей чувашей приняли мухаммеданскую веру, потому что в числе последователей сему учению есть чувашские имена [...]. Наконец, из-за реки Камы, прежнего местожительства своего, вышли чуваша, в нагорную сторону реки Волги, по всей вероятности, во время нашествия на болгары монголов, удаляясь в лесистые богатые места от грозных своих завоевателей, и с таковым переселением некоторая часть их могла смешаться с мордвою и черемисою» [10. С. 143–144]. Миграцию с территории Закамья по лесистым местам ученый предполагал, следует полагать, через Заказанье, откуда по левым притокам реки Волги предки современных чувашей окончательно обосновались на ее правобережье (горной стороне).

В статье «Село Ишаки в Козмодемьянском уезде» (1857) ученый проследживает путь прародителя чувашей родового куста *Ишек* (произносится как *Ижек*), жившего, по предположению автора, «около XIII или [в] XIV веке, о котором между нынешними потомками его сохранилось довольно живое предание, что он исповедовал магометанскую веру, имел у себя несколько жен

и слыл в свое время важным наездником» [10. С. 187]. По ряду фактов ученый выдвигает оригинальную гипотезу: «Посему нельзя ли предполагать, что прежде жительство Ижека было около реки Тоймы [Елабужского уезда Вятской губернии]; не без причины же, по преданиям чувашей, связано с именем его урочище Ижек Пелгии, откуда впоследствии мог он переселиться сюда» [10. С. 188]. Другая, не менее смелая версия происхождения имени *Ишек* дана там же, но уже в сноске: «Не имея под рукою никакой карты России, я не могу утверждать справедливость предания чувашей в отношении существующего будто около реки Тоймы урочища Ижек Пелгии. У монголо-тюрков встречается в числе беков кангуратских, предводительствовавших на правом и на левом крыле во время Чингиз-хана, имя Ильджек, а по сему Ижек не есть ли испорченное имя Ильджек?» [10. С. 188].

Итак, с 1854 г., после ознакомления с книгами отечественных ученых (Н.М. Карамзина, П.С. Савельева, И.Н. Березина и др.) чувашский историк и этнограф из Козмодемьянска разработал тюрко-булгарскую теорию происхождения чувашского языка и основных этнографических групп (средненизовых и низовых) чувашского этноса. Смешанной группой он считал верховую, в культуре которой кроме тюрко-булгарских находил много элементов финно-угров (горных марийцев и мордвы-эрзя), а частично и казанских татар. По этой причине не переставал он гордо называть себя «финном», признавая свои горномарийские корни, прежде всего со стороны матери (она прекрасно владела языком своих соседей).

Чувашские лингвисты-диалектологи раньше совершенно необоснованно утверждали, что язык чувашей междуречья Цивилия и Кубни относится к «смешанному» диалекту [12. С. 363–364]. Говоры Мариинско-Посадского, Козловского, Урмарского, Янтиковского и отчасти Цивильского и Канашского районов ЧР «в своей основе содержат более архаичные черты на всех своих строевых уровнях, не выводимые из соответствующих уровней ни верхового, ни тем более, низового диалекта» [5. С. 338]. На основе этнолингвистического изучения чувашской лингвокультуры *sarǎ* «поясной убор» Н.И. Егоров пришел к такому заключению: «После монгольского завоевания Среднего Поволжья и образования Золотой Орды в XIII-XIV вв. слово *ззар* вместе с волной переселенцев из Средней Азии проникает на территорию бывшей Волжской Булгарии и заимствуется булгаро-чувашским языком. В начале XIV в. закамские булгаро-чуваша переселяются в Предкамье и Закамье и из языка заказанских чувашей лингвокультура **ǎЗар* “женский поясной убор” проникает в удмуртский язык» [5. С. 352–353]. Н.И. Егоров полагает, что после переселения правобережных булгаро-чувашей, а скорее всего – после ухода заказанских чувашей на север, в марийские леса, во время завоевания Улу Мухаммедом в середине XV в., слово *sarǎ* проникает в некоторые диалекты марийского языка [5. С. 353].

Итак, образование средненизового диалекта следует отнести к середине XV в., когда часть заказанских и арских чувашей переселилась на северо-восток современной Чувашской Республики, в «основном в междуречье Аниша и Цивилия. Эти переселенцы занесли в общечувашский язык лексику удмуртского происхождения» [5. С. 409–410]. С.М. Михайлов в общих чертах угадал направление движения одной части средненизовых чувашей, но не смог мотивировать их страстное желание обрести новую этнотерриторию, хотя бы по нескольким параметрам (в первую очередь лингвокультурная, хозяйственно-производственная и природно-климатическая среда) схожую с былой родиной – Закамьем.

Другая часть средненизовых чувашей, до конца XIV – начала XV в. проживавшая в правобережных районах юга Чувашского Поволжья, заняла земли северо-востока Чувашии, расположенные в междуречье Кубни и Цивилия. Дальнейшие процессы Н.И. Егоров описывает так: вскоре они ассимилировали местное марийское население, к этому времени уже испытывавшее значительное болгаро-чувашское культурное и языковое влияние; из правобережных районов Цивилия чувашская лингвистическая экспансия распространилась в левобережные районы и к концу казанского периода охватила почти всю северо-западную часть Чувашии. Вывод ученого таков: «В левобережных районах Цивилия в результате полной языковой ассимиляции марийского языкового субстрата сложился верховой диалект, содержащий ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей, обязанных своим происхождением марийскому субстрату» [5. С. 410]. Отметим, что вышеизложенная концепция сложения этнографических групп чувашского этноса весьма близка к позиции ученого писателя С.М. Михайлова, выраженной еще в 50-е гг. XIX в.

Обобщим вышеизложенные факты. Катаклизмы XIII–XIV вв. заставили население разрушенной Волжской Булгарии мигрировать в лесные районы, в том числе и в бассейн Цивилия, где оно заселилось рядом с предками современных горных марийцев (здесь многие гидронимы и топонимы горномарийского происхождения). Процесс естественной ассимиляции последних привел к тому, что к XVIII в. население Сурско-Цивильского междуречья стало полностью чувашеязычным, соответственно, статус нового этнокультурного пограничья получило правобережье устья Суры. Историю образования верховых чувашей, реконструированную Н.И. Егоровым, следует принять в ее общих чертах, при этом следует отметить, что здесь не названо главное условие для такой относительно быстрой ассимиляции – это чересполосное расселение старых марийских и новых чувашских поселений. Без активного культурного, в том числе и религиозно-мифологического, а также хозяйственного диалога двух соседних этносов не смогли произойти вышеотмеченные ассимиляционные процессы. Здесь имеются и другие нерешенные проблема для будущих исследователей данной этнографической группы.

Итак, до присоединения Чувашского края к Московскому государству на правобережье Волги функционировали две этнографические группы горных чувашей. После заселения южных степных районов в процессе культурного диалога с татарами-мишарями образовалась третья этнографическая группа, известная средненизовым чувашам как *хирти* «степные».

О названиях этнографических групп чувашей и их вариантах мы имели случай писать в своих ранее опубликованных работах: [11. С. 131–138, 173–185]. Здесь следует изложить некоторые выводы и факты. Экзоназванием *вирьял*, *вирьял* пользовалось чувашское население левой стороны железнодорожного пути Свияжск – Ибреси, а также часть средненизовых чувашей, проживающая по правую сторону железной дороги от Канаша до Ибреси. Последняя группа до настоящего времени пользуется дуальной парой экзоназваний: *вирьял* (в сторону севера) и *хирти* (в сторону юга, т.е. бывших Буинского и Тетюшского уездов Симбирской губернии). Представители данной группы (они живут в верховьях бассейна Малого Цивилия) причисляют себя к *анатри*, т.е. к чувашскому населению центральных районов (Канашского, Цивильского, Марпосадского и др.). Моделью «*вирьял – хирти*» пользуются ибресинцы (сами себя они называют *вэрман ашён-чисем*, т.е. лесные), а также подлесные чуваша Комсомольского района, например, жители д. Нижнее Тимерчеево [11. С. 180].

Этимологию слова *виреял*, *вирьял* впервые верно объяснил Н.И. Ашмарин, который показал, что чувашскому *вир*, *вире*, *вирё* в отдельных тюркских языках соответствуют *өр*, *ёр*, *өрү*, *өрö*, означающие «вверх по течению реки» [3. С. 11]. Чувашаи *хирти* проживают главным образом в Присвияжье и выше по притокам Свияги, вершины которых находятся в северо-западном направлении и нигде не переходят железнодорожную полосу от Тюрлемы до Ибреси. Данный гидрогеологический район специалистами называется Свияжским, который к северо-западу заменяется Цивиль-Анишским [1. С. 47–48]. Чувашаи *хирти* называют вирьялом своих сородичей других, более северных гидрогеологических районов (в Цивиль-Анишском проживают средненизовые, а в Сурско-Цивильском – верховые) [11. С. 180–181].

Далее следует кратко описать систему этнической идентификации народов Поволжья, которая рассмотрена нами в статье «О системах эндо- и экзоэтнонимов народов Урало-Поволжья» [11. С. 131–138]. Ряд соображений о названиях этносов имеется и в статье С.М. Михайлова. В этнической самоидентификации чувашезычного населения Сурско-Цивильского междуречья использовались традиционные эндоэтнонимы. Очувашившиеся горные марицы называли себя *чоаш* (верховое произношение < *чъваш* средненизовое и низовое произношение), а своих бывших единоплеменников – просто *сармăç* «мариец». Средненизовые же чувашаи, хорошо знавшие и луговых марицев, предпочитали называть горномарийское население *туси сармăс* (такое словосочетание сохранилось в названии деревни на границе бывшего чувашско-горномарийского пограничья).

Горномарийское население пограничья трансформировало свое этническое сознание в условиях изменившейся реальности. Очувашившихся своих сородичей оно стало называть *сасламар* (< *суасла мары* «люди, похожие на суас»), а себя, соответственно, *марламар* «люди, похожие на мари». Так называют горномарийцы Виловатовской, Кузнецовской сторон марицев Елас, Микряково, Пайгусово, т.е. живущих на Нижегородской стороне. Этнонимом *суас* горные марицы называли не казанских татар (так идентифицировали последних луговые марицы), а чувашей Свияжско-Цивильского междуречья, которые ассимилировали их бывших соплеменников Сурско-Цивильского междуречья.

Казанских татар в регионе лишь горные марицы и чувашаи именовали экзоэтнонимом *тодар* (горномарийцы и верховые чувашаи) и *тутар* (средненизовые и низовые чувашаи). Данный экзоэтноним проник к первым, следует полагать, через средненизовых чувашей, которые мигрировали на место своего обитания с центральных районов бывшего Казанского ханства и принимали его прежде всего как конфессионим (*тутар* – мусульманин, а *чъваш* – язычник). Не случайно луговые марицы знали казанских татар как *суас* (< *сăвас*), т.е. как язычников. Они, будучи их близкими соседями, сохранили память о более раннем их религиозном состоянии, чем горные марицы, которые контактировали с верховыми и средненизовыми чувашами. А последние, называя себя тем же этнонимом, но с точки зрения фонетики имеющим татарские элементы, отразили в нем процессы не только исламизации, но и кыпчакизации Заказанья [11. С. 132–133].

Перейдем к следующей этнологической проблеме, которая напрямую связана с творческой и трудовой деятельностью Спиридона Михайлова. В ней мы находим уникальную связь между этнографическими группами и историческими процессами в культуре чувашского этноса. Дело в том, что во времена активной

творческой деятельности С.М. Михайлова в чувашской письменной культуре господствовали традиции, созданные главным образом представителями верховых чувашей (Е.И. Рожанский и его ученики из Курмышского и Ядринского уездов Нижегородской губернии; П.И. Талиев, А.М. Алмазов и другие известные деятели относятся к носителям курмышского, сундырского и моргаушко-ядринского говоров верхового диалекта [7. С. 51–60, 105–114]). Естественно, для каждого из них ближе были родной им говор и диалект. Такая ситуация сложилась по той исторической причине, что просветительские идеи Запада проникали в Чувашский край с его западных территорий. Аксиологическая шкала этнических качеств того века российского Просвещения определялась, по представлению чувашских деятелей, в первую очередь уровнем христианской просвещенности простого народа. С.М. Михайлов определял степень просвещенности народов и их отдельных групп именно по этим критериям. По ним же он возвышал своих земляков, выше их ставил горных марийцев, отличавшихся своей глубокой религиозностью. Такая привязанность к христианской религии образовалась, как полагал просветитель-исследователь, в результате активной деятельности священнослужителей среди горных марийцев, которые сказывали «всегда поучения им на природном их черемисском языке» [10. С. 56]. В статье, представляющей собой фрагмент из черновых набросков написанной в 1856–1857 гг. труда «Историко-этнографический очерк быта чуваш[ей]. Общее заключение о чувашах», С.М. Михайлов пишет, что образовывать чувашей необходимо «духовно-нравственным образом», для этого следует открывать «центральные училища в богомольных селах Ишаках и Чемееве, в которые стекаются все инородцы для поклонения чудотворным образам Святителя Николая» [10. С. 201]. В его статье «О селе Ишаки Козмодемьянского уезда» (1857) имеются такие строки: «Здесь были и есть и теперь, достойные пастыри для просвещения иноплеменного народа, проповедующие бога истинного на природном языке чуваш[ей]» [10. С. 192]. Как известно, о проблемах начального образования чувашей он написал статью «О сельских приходских училищах и об успехах учения в них инородческих детей» (1857–1858) и представил ее в Русское географическое общество, отсюда ее перенаправили в Министерство народного просвещения. Как полагал В.Д. Дмитриев, «положения рукописи С.М. Михайлова использованы в статье “К вопросу об устройстве учения для инородческих детей Казанского учебного округа”» (1867) [10. С. 505]. В вышеназванной статье, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1867 г. (апрель, № 134), чувашского ученого и писателя охарактеризовали как «ревнивого русского просветителя, с большим усердием занимавшегося историческим, этнографическим и статистическим исследованиями в западных уездах Казанской губ[ернии]» [10. С. 505].

Итак, в 50-е гг. XIX в. идеи чувашского просветительства сформулировал С.М. Михайлов, они начали распространяться в ученых кругах Поволжья в начале 60-х гг. того же века (Н.И. Ильминский, В.К. Магницкий, Н.И. Золотницкий). К концу 60-х гг. XIX в. центром чувашского просветительства становится этнотерритория средненизовых чувашей (деятельность Н.И. Золотницкого и его учеников: В. Якимова, М. Дмитриева, Г. Филиппова и др.). В основу переводов своих книг, а также букваря «Чăваш кёнеке» Н.И. Золотницкий положил, как сам отмечал, «среднее чебоксарско-цивильское наречие», выделяющееся как от верхового (вирьяльского), так и от тетюшко-буинского наречия

[6. С. 25]. Он справедливо полагал, что это наречие «сплошного центрального чувашского населения» отмечается «правильностью форм, чистотой чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов» [6. С. 25]. Научные и практические соображения ученого-лингвиста вынудили отказаться от устоявшегося к тому времени противопоставления двух чувашских диалектов. Основной причиной выбора ученого-лингвиста средненизового диалекта как основы книжно-литературного языка стал тот факт, что он ближе стоял в верховому диалекту, на основе которого уже почти целый век творилась и развивалась чувашская письменная культура, в том числе были сочинены грамматики 1769 и 1836 гг. В то же время на буинско-тетюшском диалекте (*хирти*) книги начали выходить лишь с 1872 г., в которых азбука изменялась три раза. В этом диалекте нередко встречались, как уже было отмечено выше, заимствования из татарско-мишарского языка, а в сундырском и моргаушско-ядринском говорах верхового диалекта – из русского и горномарийского языков.

В начале 70-х гг. XIX в. появился, как мы знаем, новый букварь чувашского языка, составленный И.Я. Яковлевым и его соратниками. В данной книге основой литературно языка является уже диалект *хирти*, речевые особенности чувашей, проживающих рядом с татарами-мишарями. В результате всего этого философия примирения диалектов Золотницкого была заменена философией дихотомического противопоставления и строгого подчинения «главному» диалекту – *хирти*. Начиная с учебников И.Я. Яковлева опять стали противопоставлять разобщенные между собой два диалекта: *тури* (верховой) и *хирти* (буинско-тетюшский), а про средненизовый диалект (*анатри*, *анат енчи*) предпочитали не говорить. При этом в состав «вирьял» просветитель включал не только верховых, но и средненизовых чувашей. На его родине вирьялами называли тех чувашей, которые проживали в сторону Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии (там названий групп *тури* и *анатри* вообще не имелись) [13. С. 26].

Из всего вышеизложенного можно заключить, что географическое расположение этнографических групп чувашского этноса: 1) способствовало распространению идей европейско-российского Просвещения в Чувашском крае (от верховых чувашей к средненизовым, а затем к низовым); 2) повлияло на историю сложения литературных языков и письменности (старой письменности на основе верхового и средненизового диалектов, новой письменности на основе низового диалекта); 3) подготовило благодатную почву для творческого развития таких деятелей периода старой письменности, как Ермей Рожанский (написал грамматику чувашского языка, издал первую книгу и сочинил первые литературные произведения на чувашском языке), Спиридон Михайлов (Яндуш) и др. Но возврат к философии дихотомического противопоставления и строгого подчинения «главному» диалекту (в данном случае *хирти*) способствовал возникновению среди интеллигенции периодических споров и дискуссий. После переворотов 1917 г.: основная часть интеллигенции из среды верховых и частично из среды средненизовых чувашей демонстративно отказались от традиционной культуры, в том числе и письменной, вплоть до отрицания норм литературного языка и букваря, созданных в Симбирской чувашской учительской школе. Отзвуки такого неустойчивого состояния культуры чувашей дошли до наших дней, обретая уже новые противодействующие формы (в частности, современные затянувшиеся дискуссии о правописании).

Вышеописанные действия просветительского характера в различных этнографических группах чувашского этноса следует объяснить такими определениями исторической этнологии, как традиционное и личностное сознание.

Традиционное сознание (сюда ученые включают и бессознательное) адаптировано к историческим реалиям внешнего мира. Личностное сознание не связано со способностью к рефлексии и абстрактному мышлению. Оно может быть, по определению С.В. Лурье, «слаборефлексируемым» [9. С. 409]. Этнофор с личностным сознанием может жить в полном соответствии с традиционной этнической культурой, но в критической ситуации для него будет характерна реакция на личностном уровне. Носитель личностного сознания может сознательно выйти из своего традиционного общества, может в нем сознательно оставаться: или для того, чтобы его изменить, или для того, чтобы его сохранить. Увеличение в обществе носителей личностного сознания связано с кризисным состоянием социума. Без носителей личностного сознания процессы позитивных общественных трансформаций и смены объектов трансфера (трансфер – перенос бессознательного комплекса на реальный объект) на более адекватные, как утверждает С.В. Лурье, совершить невозможно. Для того, чтобы этническая культурная традиция нормально функционировала, внутри общества должно находиться некоторое количество носителей личностного сознания. Доминанты их личностного сознания не совпадают с парадигмами данной культурной традиции, но с ними соотносятся, имеют одну и ту же направленность. Носители личностного сознания живут одной жизнью с традиционным обществом, являясь гарантией его доброкачественности. Находясь внутри традиционного общества, они влияют на его ценностную установку и тем самым предопределяют объекты трансфера [9. С. 414–415].

Вспомним биографические данные из жизни С.М. Михайлова (Яндуша). Будучи в возрасте только пяти лет, он плакал, чтобы отец его отвез в город учиться грамоте, в противном случае он «намеревался бежать из дому для науки» [10. С. 25]. Летом 1833 г., когда впервые увидел архиепископа Филарета, надумал он «отправиться в Казань за преосвященнейшим архиереем, для усовершенствования своих познаний», так как последний любил детей «инородцев» и, как полагал чувашский мальчик, не оставил бы его в его крайности. В этом «чадолюбивом архипастыре» он видел своего потенциального покровителя. В 1835 г., будучи помощником писаря Большешатминского волостного правления, он отправил своим родителям письмо такого содержания: «Я, когда буду светилом, буду попираť кереметь чувашскую и возрадую [вас]» [10. С. 28]. В данной фразе он подразумевал чувашскую непросвещенность и суеверность, которым объявил непримиримую войну в возрасте четырнадцати лет! С помощью своих светских покровителей (А.И. Артемьева, И.Н. Березина и других) только еще формирующийся ученый и писатель как письменно, так и устно распространял свою ценностную установку на образование (просветительского характера), искал единомышленников, хотел быть для них образцом подражания совершенно нового типа. Вот какие строки писал начинающий еще ученый в письме А.И. Артемьеву от 16 января 1852: «[...] вся моя мысль и все мои желанья клонят к тому, чтобы несколько своих единоплеменцев повлечь за собою. Будет уже жить им в невежестве!» [10. С. 421].

Как известно, американский этнолог М. Мид выделил три типа разностадийных культур: постфигуративный (в такой культуре каждое изменение протекает очень медленно, а прошлое взрослых оказывается для их детей будущим); кофигуративный (в культуре такого типа преобладающей моделью поведения является поведение современников и их соседей) и префигуративный (в культуре подобного типа взрослые учатся у своих детей) [11. С. 203].

Ценностные установки, типологически сходные с аксеологическими взглядами Спиридона Михайлова (Яндуша), стали возникать в среде некоторой части первоначально верховых, а потом средненизовых и низовых чувашей. Именно их поведение и активная деятельность преопределили объекты трансфера – перенос бессознательного комплекса на реальный объект, в данном случае на первоначальное школьное образование на родном языке.

Как бы знаковым явлением в сфере образования чувашского народа стал факт утверждения должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. К исполнению этой должности Н.И. Золотницкий приступил в январе 1867 г. В промежутке между началом научно-публицистической деятельности С.М. Михайлова и утверждением вышеназванной должности в чувашском обществе происходило, следует полагать, новое «сцепление бессознательного образа с фактами реальности» [9. С. 312], в результате чего формировались конкретный «образ защитника» и «образ врага» (они хорошо изображены в произведениях чувашских писателей 1850–1870-х гг.) [7. С. 142–159, 174–199]. В рукописи «Исторический взгляд на чуваш[ей]» С.М. Михайлов отмечал, что чувашки в древности «боготворили своих владык» [10. С. 446]. В одной песне в благодарность за новый хлеб чувашки пели, как писал ученый, такие слова: *Ўӳлте торӳ, ӳӳрте патша пӳхатӳ пире. Торӳпа патша тивлечӳпеле ӳӳетпӳр те ӳуетпӳр* «На небе бог, на земле царь управляет. По щедрости бога и царя мы пьем и едим» [10. С. 379]. В рукописи его статьи, отправленной в Русское географическое общество под грифом «секретно» (19 марта 1856 г.), имеется следующий многозначительный абзац: «Что местные власти дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства, то этому примеров было довольно и изъяснять их не для чего, ибо как в прежние, так и нынешние годы наряжаемы были по жалобам инородцев неоднократно особые комиссии для открытия главных виновников зла, которые комиссиями были открываемы и передаваемы суду. [...] Но за всем тем должно сказать, что писари и старшины чуваш[ей], близкие им по службе, пользуясь их трусливостью, вместо защиты от их притеснения и водворения между ними добрых нравов, являются сами первыми притеснителями и бывают примером для разврата, отчего в подчиненных им чувашах теряют всякое к себе доверие и заставляют смотреть на себя как на врагов. Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции...» [10. С. 177]. Писать о последних, как совершенно верно замечает В.Д. Димитриев, в те годы «было небезопасно» [10. С. 465]. С.М. Михайлов находит решение назревшего конфликта в просвещении простого народа, а также в защите и покровительстве его «от стеснительных действий волосных и сельских начальников» [10. С. 180]. Как известно, новая, дополнительная система управления государственными крестьянами (введение параллельного окружного управления) в 1839–1843 гг. привела к тому что «количество чиновников, управляющих чувашскими крестьянами, увеличилось вдвое. Акрамовская война 1842 г. была направлена против введения нового управления» [10. С. 470].

Формирование образов покровителей (благодетелей) и врагов простого чувашского крестьянина детерминировано, скорее всего, по модели противопоставления: *ял халӳхӳ* (крестьянская община) и *кантур ӳыннисем, тӳре-шара* (чиновники местной власти). Из-за того, что в середине XIX в. в волостных правлениях, тем более в губернских органах власти, работали чиновники иноэтничного происхождения, злое начало в чувашской картине мира располагалось, следует

полагать, вне пределов своего этноса. Не случайно именно в те годы резко изменилась семантика языческого понятия *киремет* (прежде всего среди верховых и частично средненизовых чувашей): из области родовых и общинных покровителей оно переместилось в сферу самых злых духов в облике либо татарина, либо русского барина (чиновника), разъезжающего в роскошной карете. В этом плане труды С.М. Михайлова остаются ценным источником для выявления адаптационной схемы этноса, которая у чувашей строилась, как мы уже отметили, «на более или менее четкой локализации злого начала вне пределов себя, своего этноса» [9. С. 471]. Данный вопрос требует более глубокой его разработки.

Литература и источники

1. Арчиков Е.И. География Чувашской Республики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1995. 92 с.
2. Ашмарин Н.И. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 65–79.
3. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Фонетика. Казань, 1898. XXI + 392 + XIX с.
4. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань: Тип. «Красный Печатник», 1928. 335 с.
5. Егоров Н.И. Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнокультурология: в 2 т. Чебоксары: Новое время, 2009. Т. 1. 854 с.
6. Золотницкий Н.И. Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 528 с.
7. История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллективная монография / ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.
8. Комиссаров Г.И. Чувашаи Казанского Заволжья (Историко-этнографический очерк) // Комиссаров Г.И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 9–212.
9. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
10. Михайлов С.М. Собрание сочинений / сост. и предисл. В.Д. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
11. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.
12. Сергеев Л.П. Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.
13. Тимофеев Г. Тăхăрьял: Этнографи тёрленчĕкĕсем. Халăх сăмахлăхĕ. Ырса пынисем. Ырусемпе асилÿсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 431 с.
14. Хрестоматия по культуре чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Vitaliy G. RODIONOV

THE WORKS OF SPIRIDON MIKHAILOV (YANDUSH) IN THE ASPECT OF SOME HISTORICAL ETHNOLOGY PROBLEMS

Key words: ethnographic groups, traditional and personal consciousness, ethnogenesis of the Chuvash, dialects, linguocultureme, transfer.

S.M. Mikhailov (Yandush) distinguished two ethnographic groups and two dialects of the Chuvash ethnos. The scientist attributed the population of Kozmodemyansky and the northern part of Yadrinsky uyezds to the upper (Virjal) Chuvash, and that of Tsivisky and Cheboksary uyezds of Kazan province – to the lower (Anatri) ones. Starting with the works of G.I. Komissarov, a third (middle-level) group began to be allocated from the lower group. According to the scientist, the Chuvash, being a separate community of Turkic-speaking peoples, used to live in Zakamye, where they had migrated from Siberia. He developed the Turkic-Bulgarian theory of the Chuvash language origin and the main ethnographic groups (middle lower and

lower) of the Chuvash ethnos. He considered the upper dialect to be a mixed group, in whose culture, in addition to Turkic-Bulgar elements he found many elements of the Finno-Ugrians (the mountain Mari and the Mordvins-Erzya), and partly Kazan Tatars. Prior to annexation of the Chuvash Region to the Moscow state, two ethnographic groups of the mountain Chuvash functioned on the right bank of the Volga – the upper and the middle lower. After settling the southern steppe regions, in the process of cultural dialogue with the Mishar Tatars, a third ethnographic group was formed, known to the middle lower Chuvash as the khirti "steppe". In Modern times, the geographical location of the ethnographic groups of the Chuvash ethnos contributed to penetration of the ideas of the European-Russian Enlightenment in the Chuvash Region (from the western territories to the eastern and southern ones). In the 1950s of the XX century the ideas of the Chuvash enlightenment were first formulated by S.M. Mikhailov, and later they began to spread in the academic circles of the entire Volga region. His works remain a valuable source for identifying the adaptive scheme of the ethnos, which the Chuvash built by localizing the "evil" principle outside of themselves, their society, ethnos.

References

1. Archikov E.I. *Geografiya Chuvashskoi Respubliki* [Geography of the Chuvash Republic]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1995, 92 p.
2. Ashmarin N.I. *Zametki po chuvashskoi dialektologii* [Notes on the Chuvash dialectology]. In: *Materialy po chuvashskoi dialektologii. Vyp. 1* [Materials on the Chuvash dialectology, issue 1]. Cheboksary, Chuvash State Publ. House, 1960, pp. 65–79.
3. Ashmarin N.I. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka. Ch. 1. Fonetika* [Materials for the study of the Chuvash language. Part 1. Phonetics]. Kazan, 1898, 392 p.
4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Vyp. 1* [Dictionary of the Chuvash language, issue 1]. Kazan, Krasnyi Pechatnik Publ., 1928, 335 p.
5. Egorov N.I. *Izbrannye trudy. Etimologiya. Etnoglottogenez. Etnokulturologiya: v 2 t.* [Selected Works. Etymology. Ethnoglottogenesis. Ethnology, in 2 vol.]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2009, vol. 1, 854 p.
6. Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy: stat'i, lingvisticheskie issledovaniya, slovari, pis'ma, otchetnyye raznyye dokumenty* [Selected works: articles, linguistic studies, dictionaries, letters, reports, various documents]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2007, 528 p.
7. *Istoriya chuvashskoi literatury XVIII–XIX vekov: kollektivnaya monografiya* [History of Chuvash Literature of the 18th and 19th centuries: collective monograph]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2020, 296 p.
8. Komissarov G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya (Istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Chuvash of the Kazan Trans-Volga region (Historical and ethnographic sketch)]. In: Komissarov G.I. *O chuvashakh: Issledovaniya. Vospominaniya. Dnevnik, pis'ma* [About Chuvash: Research. Memories. Diaries, letters]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2003, pp. 9–212.
9. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Historical Ethnology: a Textbook for Universities]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Gaudeamus Publ., 2004, 624 p.
10. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, 510 p.
11. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos: issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [Ethnos: research on ethnology and mythopoetics]. Cheboksary, 2017, 324 p.
12. Sergeev L.P. *Dialektnaya sistema chuvashskogo yazyka* [The dialect system of the Chuvash language]. Cheboksary, 2007, 428 p.
13. Timofeev G. *Takhar'yal: Etnografi terlenchekesem. Khalakh samakhlakhe. Schyrsa pynisem. Schyursempa asilusem* [Nine Villages: Ethnographic essays. Folklore. Letters and Memories]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2002, 431 p.
14. *Khrestomatiya po kul'ture chuvashskogo kraya: dorevol'yutsionnyi period* [Reader on the culture of the Chuvash region: the pre-revolutionary period]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2001, 255 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Труды Спиридона Михайлова (Яндуша) в аспекте некоторых проблем исторической этнологии // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 4. – С. 135–148. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-4-135-148.